

Однажды Алексея Германа лягнула лошадь...

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

- Светлана помогает или раздражает?

- Раздражая, помогает. В «Словаре прописных истин» у Флобера тоже банальная вещь: оптимисты обыкновенно дураки, пессимисты - смотри выше. У нас тандем достаточно сложный, как тебе известно, но существует такой забавный момент: мы едем, я о чем-то думаю, и вдруг Светлана говорит, о чем я думаю. И то же самое я. Срачивание организмов, довольно противоестественное, в силу совместной работы, очевидно.

- В силу любви...

Потом Светлана Кармалита, жена, скажет: он говорит, что я его уважаю, вместо того чтобы любить, но я ничего не могу с собой поделать, всякий раз он придумывает что-то такое, что совершенно меня удивляет.

- Леш, скажи честно, тебя огорчила реакция в Канне? Ты расстроился?

- Ужасно. Но я туда приехал не девушкой. Я отработал в жюри Каннского фестиваля и нулевые свои шансы знал. Лозунг, который я через жизнь пронес: пункт первый устава публичного дома в Одессе - не надо суетиться под клиентом. Сыграло роль отношение Жакко, директора фестиваля.

- Он тебя уговорил?

- Деньги меня уговорили. Я должен был закончить кино. Я понимал, что в этом случае они для меня найдутся, иначе я буду еще два года гнить. Именно потому что я работал в жюри и все знаю. Мы тогда получили три приза. Я, как бешеный, бодался. Был ли я прав - другое дело. Даже такая прекрасная женщина, как Фанни Ардан, с которой мы дружили и которая читала Гроссмана, что для артистки нехарактерно, даже она, когда дело дошло до достаточно унылой роли Депардье в «Сирано де Бержераке», голосовала за своего. Председатель жюри Бертолуччи бросил один раз все свои вещи, сказал, что с этим дегенератом - со мной - не может сидеть за одним столом, и ушел. Он кричал: ты так позволяешь себя со мной вести, потому что я бывший коммунист! Я сказал: бывших коммунистов не бывает. До Валенса, за- меть.

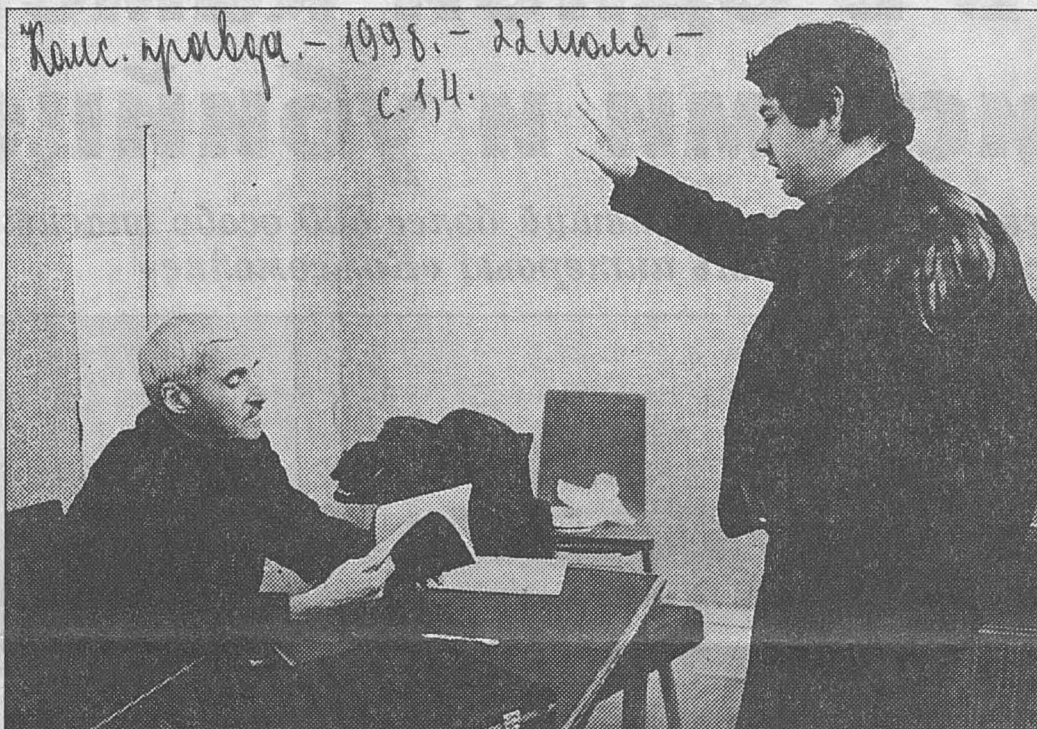

Маленький Леша.

Хотя он мне очень нравился сам по себе.

- Вернемся к провалу. В чем выразилось огорчение? Напились, бил посуду?

- Ну ты что! Я сказал: пошли в задницу. И уехал. Меня жизнь приучила к одному и тому же. Я с лицом счастливого дегенерата привез «Проверку на дорогах» в Госкино. Мне сказали: вы что привезли? Один человек на меня страшно кричал в коридоре. Я ему сказал: что будет, если мы получим Государственную премию? А когда мы ее получили, мы летели куда-то за границу и поехали за паспортами в Госкино, пьяные после этой премии. Он стоял в вестибюле. Мы такое ему собирались сказать! Мы все поздравались за ручку. И ничего ему не сказали. Я с лицом дегенерата привозил «20 дней без войны». Полтора года на студии висело объявление: по техническим причинам премьера откладывается. Я тебе расскажу свое выступление в Киеве в Доме кино. Я говорю: слушайте, снег с дождем на улице, в буфете у вас ничего нет, если вам не трудно, досидите до конца, я так устал, что ползала уходит, картина хорошая, и вам потом когда-нибудь будет неудобно, что вы ушли. Если помнишь, Новороссийск собирал тетрадки подписей, чтоб я никогда не смел туда приезжать. Какой-то комитет там создали против меня, что «Лапшин» дико сложный. Милиционер влюбился в артистку - что тут сложного? Как на меня кричал

Молодой Алексей с Константином Симоновым.

Андрей Смирнов, мой друг, Ролан Быков сказал, что не будет озвучивать текст, потому что вообще ничего не понял, где бандиты, где милиционеры. Ну да, эти терзали тех, этих...

- Бродский писал: лучшие среди них были и жертвами, и палачами.

- Мы про это и сняли «Хрусталева». Про дикую необидчивость народа. Что мне, 53-й год был интересен, что ли? Вот сделали это с моим героем, военным нейрохирургом, изнасиловали его, а потом говорят: махнемся трубками, генерал, на память? Одному журналисту легко было про меня написать: у него комплекс Фишера, он столько лет не снимает. Но когда каждый раз получаешь такой поджопник, что с визгом летаешь вокруг земного шара года три-четыре, а то и все пятнадцать...

- А потом про тебя снимают передачу в серии «ЖЗЛ».

- Ну да, хорошо было Джордано Бруно в тот момент об этом думать... Ты знаешь, что нас - в отличие от всех прочих мучеников, Киры Муратовой и других - заставляли выплывать стоимость картин?

- Ты человек, уверенный в себе или сомневающийся?

- Режиссеров, уверенных в себе, не бывает. Пушкин может себе позволить прыгать на одной ножке и кричать: ай да Пушкин, ай да молодец! Писать: «хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца». На самом деле оспаривал и не принимал...

- Он себе закланания и писал.

- В том и дело.

Господи, ведь что обидно? Вот учат тебя: а вы знаете, что должна быть завязка, кульминация и развязка? Но никто не знает: а может быть, одна кульминация и есть весь фильм? Ну подождите, ну посмотрите, ну напрягитесь. Это - новое. Все остальное - старое. А новое - это то, что лают, не видя.

- А как же ты уверен, что снял хорошее кино?

- Жаккоб сказал... Нет, не в этом дело, я про другое скажу.

- Что сказал Жаккоб?

- Я не буду говорить. Пускай Светлана говорит.

- Светки рядом нет, скажи, я у нее потом переспрошу.

- Он сказал Скорсезе, председателю жюри: вы даже не понимаете, что рядом стоит гений.

- Как ты работаешь с материалом - что с тобой происходит?

- Существует банальная вещь: герои тебя ведут и прочее. Но в кино такая штука: до какого-то момента ты владеешь кино, с какого-то момента оно делается живым существом, к которому так просто не подойти. Как Шефнер написал: «Он просто волк, он не собачьей стаи». Оно делается волком. Оно уже не собака. Оно начинает выплевывать то, что ему не нужно. Ты ему это суешь, а оно выплевывает. Оно было антикоммунистическое, антитеррористическое - '89-й год, когда мы начинали. А когда стало обретать плоть и кровь, все это принялось выплевывать.

- Леша, это еще происходило потому, что ты менялся, ситуация вся менялась вокруг, начинаешь думать другие вещи, чем думал раньше...

- Получается жутко нескромная вещь: я, я, я. Во-первых, существуем мы. У меня было три стажера, молодые режиссеры, я бы без них умер. А главным образом Светка, не будь ее, я бы просто все бросил. Вот точные слова говорю тебе: «Светлана, я лягу на пол, я больше не могу». Я больше не выдерживал. Следующее кино, которое я непременно сниму назло им, я сниму классическое, я умею это делать...

- Тебя поведет, ты сделаешь другое кино.

- Конечно, другое.

- А какая у тебя идея классического кино?

- На что деньги дадут, то и сниму. Мне интересно снять про Александра Второго. Как так случилось, что его все не любили? Никто лучше ничего для России не сделал. Почему обожают Петра, который все разрушил, начиная с церкви, и плюют на Александра Второго, который даже к террористам пошел объясняться, когда они в него бомб бросили? Но дело не в том, какой он был чудный. Мне просто интересно сопоставить эпохи, и всем там найдется место, начиная с Минкина. Очень хочется снять «Трудно быть богом» Стругацких. Хотелось поработать с Граниным, с Конечким, я считаю его очень талантливым и очень недооцененным писателем. Мне очень хочется снять Толстого, один рассказ, который населить другими персонажами.

- Какой рассказ?

- Честно сказать, «После бала». Соединить там самых прекрасных людей Толстого с «Братцы, помилосердствуйте!», когда прекрасные люди, а солдата порют.

- А ты можешь снимать поскорее?

- Все это легенда, Оля, что я долго снимаю. «Проверки на дорогах» снимались 6 месяцев. «Лапшин» весь делался 7 месяцев. А дальше какой смысл было торопиться, когда картину не выпускали? Сейчас просто не было крупных финансовых воротил, которые бы не предлагали нам деньги. А потом не давали. Их олигархами называют. Назвали - думаю, обидятся. Нет, гордиться. Я никого не хочу ругать. Хотя и вспоминать не хочу. Я их всех ненавижу. К концу жизни я понял, была б социал-демократическая партия, я бы вступил. Но наш африканский капитализм мне совершенно не нравится.

- У нас есть социал-демократ Горбачев - примкни.

- При нем Марченко помер в тюрьме. Выпустил бы Марченко, если ты такой социал-демократ. Знаешь, нужен уровень доверия.

- Леша, как насчет жизни?

- Насчет жизни - из Ленинграда уезжать неохота. Я продал квартиру отца, мамину квартиру, дачу, все продал. Я не хочу жить среди теней и гробов. Мы купили мансарду маленькую...

- Ты же купил квартиру в Москве. Ты хочешь все начать сначала?

- Последнюю часть жизни я хочу начать сначала.

- Ты говоришь, все было только в прошлом году. По отношению к тому мальчику что ты чувствуешь сегодня? Силу, мощь?

- Знаешь, чувствую. Вот надо говорить, что не чувствую, а чувствую. Мы сидели в ресторанчике в Канне, ко мне подошел один

«Лозунг, который я через жизнь пронес: пункт первый устава публичного дома в Одессе - не надо суетиться под клиентом».

молодой режиссер и говорит: мастер, а буржуи ушли. Я говорю: давай договоримся, я умею в девять раз лучше тебя снимать, если ты с этим тезисом согласен, садись, выпьем водки, а если не согласен, то гуляй. Он походил-походил, встряхнул немтыми волосами: честно сказать, шеф, я согласен.

- Он сказал про буржуев с сожалением?

- Один тут в газете написал: если Герман снимет хорошую картину, обрадуются некоторые, но если плохую - обрадуются все. Шесть лет Герман на шее у студии!.. На самом деле наша огромная картина стоила меньше 4 миллионов, картина Никиты Сергеевича Михалкова - больше 40 миллионов. У меня самые короткие титры, которые были в жизни. Потому что я выбросил всех, кто ушел сам. Я все понимаю, я готов с ними дружить, но в картине их не будет. Знаешь, что у меня было записано в контракте? Кинозвезда. Я был застрахован на миллион долларов. Правда, если помру, этот миллион должен был получить продюсер, а не Светлана. Но это французские штучки.

- Французская любовь...

- Ну да, которую, как известно, придумали русские, чтоб не платить. Насчет любви. Гурченко со мной до сих пор воюет - в вашей газете написала, что ее обижали только два человека: Кобзон и Герман. Кобзон был муж, а я требовательный режиссер. И та якобы модная штучка, которую я не взял на роль, а взял Люсю, была на минуточку Алла Демидова. Я рад, что у меня работала Люся Гурченко. Но Демидову мне не дал снять Симонов. Объяснял, что она похожа на Серову. Может быть. Я люблю Константина Михайловича. Время прошло, и я понимаю, что такое тогда была наша интеллигенция и в какое говно

превратилась бы в те времена нынешняя.

- Поговорим еще немножко про жизнь.

- А что про жизнь... Ты пойми, зачем я эту картину снимал и еще следующую хочу снять - потому что я все время готовлюсь умереть. Чуть что заболит... Я же всю жизнь врачом хотел быть. Я образован на уровне фельдшерского спра- вочника. Я не знаю простых заболеваний: пучит - я понимаю рак кишечника. Был дикий кашель - я понимал, что рак легких. Пришел старый еврей сказал: вы перенесли на ногах воспаление легких. Я сказал: доктор, у меня складывается картина, что это рак. Он говорит: слушайте, рак, при котором идет кровь из горла, это последняя стадия, посмотрите на себя в зеркало: похожи вы на умирающего от рака легких человека, давайте вместе посмотрим... Я все время готовлюсь умереть. Поэтому в фильме есть фраза бабушки: «Я так много знаю, как жаль, что это уйдет вместе со мной». И в следующей картине я все равно буду готовиться к тому, чтобы... Я все время прощаюсь со всем, понимаюсь? Почему я сегодня Светлану придушил подушкой - я только протестуюсь прощаться - она уже по занавеске бежит: какое счастье, смотри в окно!.. У меня есть армейская фотография. Я в виде молодого лейтенанта стою, облокотившись о полковую лошадь. А она уже подняла копыто. И в момент шелканья затвора она засветила мне по причинному месту так, что четыре человека тащили меня в лазарет. Как я остался способен к деторождению - непостижимо. Лошадь подняла копыто, а у меня еще улыбка идиота.

- Это символ: ты всю жизнь с улыбкой идиота - а над тобой уже копыто.

- Я начал смотреть «Проверки на дорогах». Там одна мысль все время: пожайте свой народ, пожайте Россию... И не мог

выключил. Потому что они рекламу все время совали. Мы на нем помирали, а теперь эти пришли, им мало белых «Мерседесов», они хотят совсем белых, пожалуйста, у вас же много программ! Однажды сказали, что Березовский хочет дать нам денег. Мы куда-то приехали, там охрана, открыли дверь, сидит мальчик лет 14. Говорит: Березовского нет, вы знаете, на него было покушение, он теперь в Пари... мы не скажем, где, а насчет денег ко мне, я первый заместитель. Вглядевшись, я увидел, что ему года 24. Все выслушав, все наобещали и больше никогда не позвонили... Мы еще Бориса Николаевича вспомним добрым словом. Но насчет этих ребят мы не договаривались. Мы договаривались, что будет демократическое, правовое государство. Гайдар, Чубайс, Собчак - они мне все нравились, кстати. А то, что у вас будет Политбюро из олигархов - это в Колумбии, насколько я знаю, и то это скрывается. Олигархи сказали... На-л я на то, что олигархи сказали. Никого они не спасут никогда. Ну иди смотри кино. Ты первая будешь его смотреть. Я имею в виду, не в Канне, а в России.

Я пошла и смотрела. От первого до последнего кадра, не открываясь. А когда пошли титры, вдруг, неожиданно для себя, не просто заплакала - закрыла лицо руками и зарыдала. Все, что он сделал, этот удивительный, непредсказуемый Герман, вошло прямо в кровь. Про родину, про народ, про всех нас, про меня, про мою загубленную, пропавшую жизнь. Необычный, особенный киноязык, не физика, а метафизика, не реализм, а гиперреализм, не ожившая литература, не радиотеатр, не видео-театр, не мелодрама, не поэтическое кино, а просто новое кино, воздействующее на сознание и подсознание сразу всем своим образным, метафорическим строем. Как есть марка Феллини или, скажем, Гринуэя, так есть марка Германа.

Ему уже доложили про мои слезы, и, кажется, он был смущен больше меня. Когда уходила, он вдруг сказал: перекрестись, что это правда. Я засмеялась и перекрестилась. И перекрестилась его.

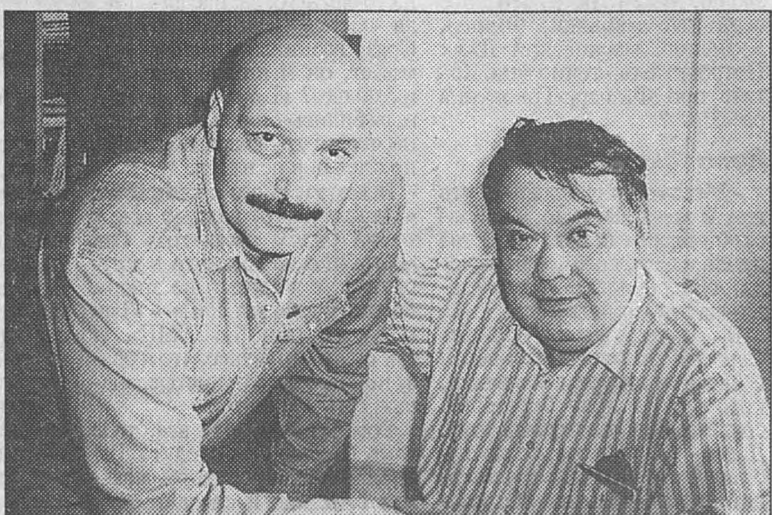
- Я тебе скажу одну секретную вещь. Я никогда не видел этой картины.

- Как?!

- Так. Я не могу ее смотреть. Светка смотрит. Я знаю в ней каждый кадр и что в кадре, знаю наизусть. Но смотреть не могу. Я, наверное, просто переработал.

Ольга КУЧКИНА.

Фото автора из семейного архива.

Совсем взрослый Алексей Юрьевич с актером Юрием Цурило, исполнившим главную роль в «Хрусталева».